

Хуанцзай радостно пустился в воспоминания, желая поболтать со старым знакомым, но всего одной фразой умудрился до того разозлить Чжао Ланя, что тот ушел, не проронив ни слова. Больше всего на свете Лань ненавидел, когда кто-то касался темы его злополучного Священного артефакта. Высокомерно вскинув голову, он скрылся из виду.

Хуанцзай лишь в недоумении почесал макушку. Он ведь спросил из чистого сочувствия — с чего бы этому гордецу так фыркать?

В это время Шэнь Янь наконец пришел в себя. Теперь он отчетливо понимал, зачем Чжао Ко утром вручил ему кинжал: этот город и впрямь кишел неведомыми опасностями. Но неужели командир всерьез полагал, что при встрече с монстром Шэнь Янь бросится на него с этим коротким лезвием? Юноше пришлось бы очень долго уговаривать себя, прежде чем он решился бы на подобный выпад.

К счастью, у него был Лю Чанъю.

Успокоив участившееся сердцебиение, Шэнь Янь увел детей прочь от собиравшейся толпы зевак, направляясь к городским воротам.

— Часто такое случается? — спросил он. — Все они — жертвы Загрязнителей?

— Раз в несколько дней какая-нибудь дрянь обязательно вылезает из канализации, — ответил Хуанцзай. Подумав, он добавил: — Но монстры, порожденные скверной, куда опаснее обычных трупов. Давешняя тварь была всего лишь Аберрацией.

Из обрывочных объяснений мальчишки Шэнь Янь узнал еще кое-что: тот монстр принадлежал к низшему классу чудовищ. Когда люди или иные существа умирают в страхе, обиде или муках, их искаженные эмоции притягивают разрезанные элементы скверны из воздуха, вызывая посмертную мутацию плоти.

Более того, это касалось и живых. Избыток негатива заставлял душу впитывать витающую вокруг заразу. Когда её становилось слишком много, наступало ментальное заражение — именно поэтому людям так необходимы были песни странствующих поэтов, исцеляющие дух.

Шэнь Янь мрачно подумал, что в таких суровых условиях сохранять благостный настрой — задача не из легких. А значит, любой случайный прохожий в толпе мог в мгновение ока обратиться чудовищем.

— Столкнувшись с чем-то запредельным, главное — не поддаваться ужасу, — наставлял Хуанцзай. — Чем сильнее боишься, тем легче заразе за тебя зацепиться. А еще зараженные обычно те, кто любит совать нос в чужие дела и глазеть на происшествия.

Это напоминало инфекцию: чем ближе ты к источнику, тем выше риск подхватить «болезнь».

Шэнь Янь невольно поежился. Кажется, он сам находился в группе риска. Страх в его душе порой было невозможно унять, но при этом где-то в глубине всегда жило необъяснимое любопытство. Говорят, оно сгубило кошку — похоже, это было про него. Чтобы избежать заражения, мало иметь крепкое сердце и стальные нервы; нужно держаться как можно дальше от подобных аномалий.

***

За разговорами они добрались до лапшичного лотка за городскими воротами. К удивлению Шэнь Яня, Чжао Лань, недавно сбежавший в гневе, уже сидел там.

Глаза Хуанцзая засияли, и он бросился к парню:

— Чжао Лань! Попробуй нашу лапшу, она невероятно вкусная!

Мальчишка старался неспроста. Когда они с командиром покидали отряд «Железная кровь», им пророчили голодную смерть — и говорили об этом так убедительно, что было страшно. Но на деле Верхний и Нижний районы мало чем отличались: и там, и здесь люди каждый день жевали сухие пшеничные лепешки.

Зато теперь у них была лапша! Настоящая роскошь, о которой в «Железной крови» могли только мечтать. Хуанцзаю не терпелось увидеть лицо Ланя после первой пробы — пусть вернется в свой отряд и расскажет всем, как они процветают. Когда-то их называли грешниками и позором Города Наёмников; уходя, семеро детей обнимались и плакали от обиды. Сейчас вспоминать об этом было просто стыдно.

— Всего восемь медных голубей за миску! — азартно рекламировал Хуанцзай. — Командир сказал: платить должны все, кроме своих.

Чжао Лань рассеянно оглядывался по сторонам, будто высматривал кого-то в толпе. Не найдя нужного лица, он разочарованно хмыкнул, но на лапшу согласился.

Вскоре перед ним поставили исходящую паром миску с острой капустой. Хуанцзай и остальные дети уселись рядом, с аппетитом прихлебывая свою порцию и украдкой поглядывая на гостя. Они ждали похвал, ждали признания их успеха.

Чжао Лань без особого интереса отправил первую порцию лапши в рот и замер. Он пришел сюда вовсе не ради еды, но вкус...

— Вкусно же? — подмигнул Хуанцзай. — В «Железной крови» такого не подают.

Обязательно, обязательно нужно передать это тем, кто их выгнал!

— Еще одну, — выдавил Чжао Лань, приходя в себя.

Хуанцзай просиял:

— Смешивай с капустой, так еще лучше!

Еще восемь медных голубей в копилку.

Шэнь Янь заметил, что Тётушка Дун и остальные тоже узнали Чжао Ланя. Они поглядывали на него, но не спешили заговаривать. Их взгляды были странными — в них читалась сложная смесь чувств, которую Шэнь Янь не мог до конца расшифровать.

Юноша подсел к столу. Лапшу он брать не стал: после утренней расправы перед глазами всё еще стояли жуткие картины, напрочь лишая аппетита.

— Хуанцзай обмолвился, что у тебя есть артефакт, который годами не поддается Ритуалу «Лицом к Пучине»... Хочешь, я посмотрю?

Шэнь Янь предложил это не из праздного интереса. Иньлин Чжао Ланя спас его от монстра, а юноша всегда старался платить добром за добро.

Чжао Лань опешил. Понимает ли этот оборванец, насколько ценна его реликвия? Как можно позволить чужаку даже коснуться её? Этот артефакт когда-то был активирован предками «Железной крови», в нем точно спал могущественный дух — сокровище, которому нет цены.

Лань проигнорировал предложение и молча уткнулся в миску.

Шэнь Янь не обиделся. Он и сам понимал, что лезет не в свое дело. Но у него крепло подозрение: история и легенды, стоящие за артефактом, напрямую влияют на успех пробуждения. Однако прежде чем предлагать помощь, нужно было во всём разобраться.

До сих пор он рассказывал о древностях всего пару раз — например, историю лакированной тыквы Хуанцзая. Но мальчик носил её годами. Был ли успех ритуала следствием рассказа Шэнь Яня или просто пришло время? Всё было слишком туманно. Оставались еще артефакты Чжао Ко... Пожалуй, командир — единственный, кто мог бы пролить свет на эту связь.

Раньше Шэнь Янь говорил о древностях свободно, не подозревая, что пробуждение требует долгих лет ношения артефакта. Иногда на это уходила целая жизнь. Не зная этой детали, он не чувствовал никакой опасности, полагая, что просто делится знаниями, как на лекциях в своем мире. Но теперь, когда закрались сомнения, он вспомнил, сколько всего уже успел наговорить

Чжао Ко.

«Нужно во всем этом разобраться», — решил Шэнь Янь.

Доев лапшу, Чжао Лань снова принялся высматривать кого-то. Уходить он явно не торопился.

— Ты Чжао Ко ищешь? — обыденно спросил Шэнь Янь.

От этого простого вопроса Лань внезапно вспыхнул, словно его уличили в чем-то постыдном:

— Чушь! С чего бы мне... искать его? Город Наёмников огромен, неужели я не могу просто прогуляться по Нижнему району?

Залившись краской до кончиков ушей, он резко развернулся и зашагал прочь.

Шэнь Янь лишь покачал головой:

— И стоило так злиться? Сам себя выдал.

***

На лапшичном лотке не требовалось много людей — торговля была не столь масштабной. Спустя некоторое время Хуанцзай притащил деревянное ведро:

— Шэнь Янь, давай отнесем лапшичный отвар остальным на шахту. У них там совсем нет воды.

В десяти ли от города находилась гора, богатая минералами и камнем. Глубоко под ней залегали угольные пласты. Эта гора принадлежала одному из могущественных отрядов Города Наёмников. Когда у «Тигров и Леопардов» не было заданий, их люди нанимались туда добывать уголь, чтобы подзаработать.

Шэнь Янь кивнул. Делать всё равно было нечего, а его единственной обязанностью было присматривать за детьми. Прогулка до шахты этому не мешала.

Однако стоило им выйти на дорогу за городом, как Шэнь Янь понял: городской хаос был лишь цветочками. Не успели они отойти на пару верст, как наткнулись на наемников со свирепыми лицами. Те не скрывали своих дурных намерений, жадно поглядывая на ведро.

Хуанцзай, привычный к такому, просто опустил ведро пониже, показывая содержимое:

— Тут только вода, ничего больше нет.

Видимо, это случалось не впервые. К тем, у кого за душой не было ни гроша, наемники быстро теряли интерес. К тому же, в Городе Наёмников существовало негласное правило: не трогать чужих детей. Нападение на ребенка означало кровную месть до последнего вздоха. Если один отряд переходил эту черту, другие могли ответить тем же. В таком случае город погрузился бы в тотальный кошмар. Этот закон был одним из немногих столпов порядка в океане хаоса — именно поэтому стайки незащищенных детей могли относительно спокойно бродить по улицам.

Разумеется, это работало лишь до тех пор, пока при детях не было ценного груза. В противном случае их могли обобрать, стараясь при этом не лишать жизни.

— Мы маленькие наемники из «Тигров и Леопардов», — звонко объявил Хуанцзай.

Враждебные взгляды на миг сузились, но затем люди отвернулись. Шэнь Янь почувствовал, как вспотели ладони. К этому миру еще предстояло привыкнуть.

Когда они добрались до горы, отвар уже успел остыть. Группой шахтеров руководил Дун Да — старший сын Старины Дуна, способный и крепкий молодой человек, полный жизненных сил. Шэнь Янь уже выучил имена всех членов отряда, но с Дун Да почти не сталкивался. Тот уходил на работу до рассвета и возвращался за полночь, валясь с ног от усталости.

Юноша велел передать, чтобы Дун Да и его люди вышли из шахты. Когда те показались на свет, они выглядели так, будто пролезли сквозь закопченное печное горло — черные от угольной пыли, со следами пота, прочертившими на телах причудливые узоры. Даже Хуанцзаю потребовалось время, чтобы узнать своих.

Наемники хватали миски и жадно глотали холодный отвар. Обычно в шахте не было привычки пить воду, но после долгих часов в душном забое жажда становилась нестерпимой.

— Ох-х! — выдохнул один из них, осушив миску. — Хорошо-то как.

Наступило время обеда. Шахтеры достали свои пшеничные лепешки и принялись жевать их, запивая остатками отвара.

— А вы сами ели? — спросил Дун Да.

— Мы сначала в лотке пообедали, а потом к вам пошли, — ответил Хуанцзай.

Шэнь Янь присел рядом:

— И сколько платят за такой день в шахте?

— Восемь медных голубей, — вздохнул Дун Да. — Раньше давали десять, но в последнее время урезали.

Шэнь Янь оцепенел. Восемь голубей? Весь день каторжного труда — ради одной миски лапши?

— Нас ведь не всегда сюда посылают, — добавил Дун Да. — Но пока заданий от командира нет, лучше заработать хоть что-то, чем сидеть без дела.

Их логика была проста: нет работы — нет еды. Даже такие гроши были лучше, чем полное отсутствие дохода.

Шэнь Янь был потрясен. Эта картина напомнила ему о мрачных страницах истории Земли. Индустриальная эпоха викторианской Англии: когда развитие промышленности требовало рабочих рук, но капиталисты, желая сэкономить, нанимали женщин и детей. Это обесценило труд до невообразимых пределов: человек мог вкалывать весь день и не заработать даже на скудный паек, в то время как взрослые мужчины оставались безработными, не в силах прокормить семьи. Прибыль, замешанная на крови.

Позже, спустя десятилетия, рабочие выбили себе пятидневку и ограниченный рабочий день, но это были лишь вынужденные уступки капитала, чтобы сохранить власть. Горькая ирония истории. В Древнем Китае тоже были подобные времена — система кабального труда превращала людей в скот, лишая их имущества и достоинства.

Шахтеры еще не доели свои лепешки, когда из темного зева шахты донесся грубый окрик:

— Что застряли?! Живо за работу!

— Лепешку дожевать не дали... — пробурчал Хуанцзай.

Дун Да лишь пожал плечами. Допив отвар, он поднялся и побрел обратно во тьму, доедая на ходу:

— Возвращайтесь осторожно. Если кто пристанет — называйте имя командира.

Похоже, для них это был единственный способ выжить.

Но Шэнь Янь не мог успокоиться. Гуляя по городу с детьми, он, конечно, видел нищету, но общая атмосфера казалась ему почти сносной, даже размеренной. И только сейчас он понял: задание, которое дал ему Чжао Ко, было не просто поручением, а высшим проявлением заботы. Командир оградил его от настоящей изнанки этого мира.

Шэнь Янь тяжело вздохнул. Жизнь оказалась куда суровее, чем виделось из окон склада.

Хуанцзай собрал пустые миски и ведро:

— Ну что, идем назад?

Шэнь Янь кивнул, но прежде велел детям подобрать с обочины несколько крупных камней. Как археолог, он неплохо разобрался в геологии и еще по дороге сюда заметил эти валуны.

Среди них была щелочная руда, из которой можно было добыть малую соду. Это была ценная находка. Если всё получится, Дун Да и остальным, возможно, больше не придется гнуть спину в угольной шахте за гроши.

<http://bllate.org/book/13411/1301685>